

Бабелю — граждане Одессы

Мы убеждены, что такая подпись появится на памятнике в нашем городе. Сбор средств уже на конкурс проектов памятника И.Э. Бабелю продолжается.

Всемирный клуб одесситов, выступивший с идеей установки в Одессе памятника нашему выдающемуся земляку — писателю Исааку Эммануиловичу Бабелю, вновь обращается к одесситам и всем, кто любит Одессу, с предложением принять активное участие в сборе средств на его сооружение.

Внести деньги можно путем перечисления их на счет горсовета, открытый специально для этой цели. Можно также просто зайти к нам в клуб, где сотрудники выполнят вместо вас все необходимые банковские операции, после чего каждому из жертвователей будет вручено именное свидетельство об участии в этой благородной акции.

По окончании строительства памятника

Реестр дарителей будет сдан на вечное хранение в областной архив.

Рады сообщить, что уже на сегодня на счет в горсовете поступило почти 25000 долларов. Деньги получены из Германии, Грузии, Израиля, Канады, России, США, Франции, Швеции, Эстонии, ну и конечно, из Украины. Причем только жителями Одессы внесено больше половины суммы.

Согласно постановлению Городского совета, это больше суммы, которая необходима для объявления международного конкурса на лучший проект памятника. Понятно, что для строительства самого памятника потребуются еще много денег.

Так что сбор средств продолжается!

Все необходимые для открытия конкурса документы переданы нами в горсовет. Теперь от решения сессии зависят условия конкурса, выбор места, где будет установлен памятник.

Наш адрес: Одесса, ул. Маразлиевская, 1 (угол Базарной)
Звоните: 725-45-67, 725-53-68
Клуб открыт с 10 до 17 часов все рабочие дни

Спецсчет Горсовета:
Банк: ГУГКУ в Одесской области
МФО 828011; код ЕГРПОУ 23862106;
счет 31519931700002
Получатель УГК в г. Одесса
Код бюджетной организации 50110000
"Целевой фонд Одесского городского совета"
Назначение платежа: финансовая помощь на сооружение памятника И.Э. Бабелю

Виталий АМУРСКИЙ

ИЗ БЕЗДНЫ

О КНИЖЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АННЫ ФРАНК

Элен Берр, "Дневник"... Публикация его в начале нынешнего года в парижском издательстве "Таландье"* не осталась без внимания критики. Точнее, даже не критики, ибо подобные тексты, не имеющие прямого отношения к творчеству, а являющиеся свидетельствами минувшего, по законам литературных жанров не обсуждаются — правильнее, поэтому, было бы сказать: о книге этой французская пресса хором заговорила как о событии, и уже то, что к ней написал предисловие Патрик Модино, фактически подтвердило это.

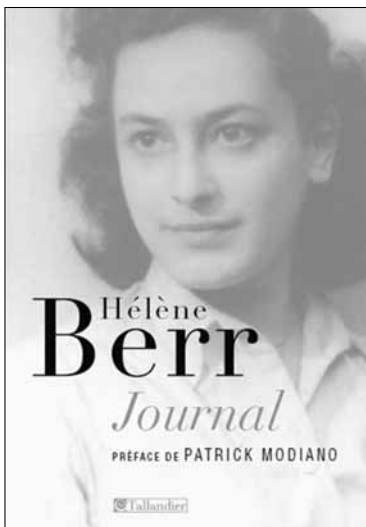
"Дневник", о котором идет речь, вела юная парижанка еврейка, безукоризненно фиксировавшая то, что видела, чувствовала, думала в 1942-1944 годах, то есть в период гитлеровской оккупации Франции. Именно поэтому, наверное, перед тем как познакомиться ближе с этими страницами, будет нелишним сделать небольшой экскурс в историю...

Гитлеровцы вошли в Париж 14 июня 1940 года. Среди первых декретов правительства Виши, подписанных за день до встречи маршала Петена с Гитлером 24 октября в местечке Монтуар-на-Лауре, был тот, что ограничивал право евреев на ряд профессий. Правда, еще не всех евреев, а лишь — иностранцев. Впрочем, 70.000 французам — вне зависимости от их происхождения, — жившим в Лотарингии, той же осенью было "предложено" оставить свои дома, выехать в "свободную зону"... Выступление против оккупантов в Париже 11-го ноября студентов и лицезистов оказалось встречено пулями, а столичная жизнь стала постепенно входить в русло, намеченное коллаборационистами разных профилей. Дефицит на многие товары открыл замечательные возможности перед спекулянтами, сотрудничавшими с немцами. Театры, кино, концертные залы стали местами такого "цивилизованного" существования. Возобновление балетных постановок в Гранд Опера, во главе которой гитлеровцами был поставлен Серж Лифарь; выступление фон Караяна, дирижирующего исполнением оперы Вагнера во дворце Шайо — из подобной мозаики можно было бы выложить довольно интересную картину, дополняемую, конечно, другими сценами, допустим, рукопожатиями и дружескими ужинами в немногих имеющих запасы доброго вина и продуктов ресторанах Латинского квартала... Кого там можно было увидеть? После Германии в Париже Отто Абеца в компании французского писателя и журналиста, известного антисемита Робера Бразийяка, или Пьера Дриеле Рошеля, немецкого скульптора Арно Брекера и его престарелого учителя Майоля... О, в самом деле, много знакомых нам (по книгам, картинам,

фильмам, истории театра и просто истории) лиц!.. Ван-Донген, Жан Кокто, Саша Гитри, Даниэль Дарье, Жан-Поль Сартр, Симона де Бовуар — кто ближе к оккупантам, кто поодаль — они и многие другие, менее известные, как бы "помогали" столице Франции сохранить ее интеллектуальный и художественный дух в то время, когда под бодрые марши в честь маршала Петена французская полиция, опережающая обычно в своем рвении немцев, арестовывала всех подозреваемых в принадлежности к сети Сопротивления, участия в антигитлеровских акциях, передавая затем в руки гестапо.

Да, все это — фон, без которого сложно ощутить пронзительность страниц "Дневника" Элен Берр. Конечно, живя в то время в Париже, не будучи связана с кругами художественной элиты, далекая от тех течений, которыми была насыщена жизнь богемы, людей подпольного бизнеса, и уж совсем в стороне находившаяся от оккупантов, она не могла не ощущать того, как становилось все труднее и труднее дышать, жить. Особенно ей, еврейке. 14 мая 1941 года в городе прокатилась волна арестов евреев-иностранцев, а 2 июня правительство утвердило так называемый "статус евреев". 20 августа в одиннадцатом округе столицы на евреев — на сей раз не иностранных, а с французскими паспортами, — была проведена массовая облава. Арестованные свезены в лагерь Дранси... Политика преследования евреев, инспирированная в нацистской Германии, проводилась, конечно, не только полицейскими методами. К приводному ремню этой машины была присоединена "культура". Так, в феврале 1941 года на экраны французских кинотеатров вышел сделанный по геббельсовским рецептам немецким режиссером Файтом Харланом фильм "Еврей Зюсс". В сентябре того же года в Париже открылась выдержанная в нацистской идеологии выставка "Еврей и Франция". В марте следующего, 1942 года, еврейская тема нашла немало места в экспозиции "Большевизм против Европы". Тогда же, кстати, впервые из Франции отправился первый эшелон с депортированными в Освенцим...

"Дневник" Элен Берр этих событий не отмечает, и начинается в 1942 году. Если следовать пометке: вторник 7 апреля, в 4 часа. Что произошло тогда в Париже, в стране, в мире, — это все можно при желании отыскать в разных архивах. Девушка, которой всего полторы недели назад исполнилось двадцать два года, описывает, как съездила в дом, где живет Поль Валери, которому она передала для автографа свой экземпляр книги его стихов. В описании поездки этой нет ничего особенного: погода (яркое солнце, надежда на то, что не будет нередкого в такое время года проливного дождя), транспорт

(автобус № 92 до площади Этуаль), путь пешком (по авеню Виктора Гюго до угла улицы Вильжюст), ощущения (сначала спокойствия, а по мере приближения к дому мэтра — легкой паники и смутения), дом (собачонка консьержки, появление ее самой, получение пакета), дар — рукой автора: "Exemplaire de mademoiselle Helene Berr" [Экземпляр мадемуазель Элен Берр] — чуть ниже: "Au reveil, si douce la lumiere, et si beau ce bleu vivant" [При выходе из сна так нежен свет, и так прекрасно живо это голубое].

Париж. Оккупация. Чужие люди. Чужие тени. Чужие голоса. И вдруг — глоток иного мира. Иного воздуха. Счастье. Строки, подаренные Полем Валери, как бы помогают вернуть душу из пропасти к свету. Закончившая лицей до войны, получившая два аттестата — первый, в 1937 году, с выбором на сторону "латинских языков"; второй, в 1938-м, с ориентацией "философия", — в 1940-41 году Элен успешно продолжила учебу в Сорбонне, специализируясь в области английского языка, написав и защитив научную работу по теме "Интерпретация римской истории у Шекспира". В следующем году девушка планировала принять участие в национальном конкурсе "агрегасон", открывавшем путь в большую науку, но в связи с принятым в октябре 1942 года вишистским руководством решением, ограничивающим права евреев, сделать это не смогла. Чтобы, тем не менее, не оставить гуманитарные науки, она подала заявку на подготовку не дающей ей каких-либо административных привилегий докторской диссертации "Эллинистские мотивы в творчестве Китса".

Между тем, как бы ни была богата внутренняя ее жизнь, от реальности внешней — серой, сжатой — уйти Элен не могла. И — не хотела. Уже с 1941 года вместе со своей сестрой Дениз и кузиной она принимает участие в подпольной организации, которая спасает детей арестован-

ных евреев, помогая вывезти их в безопасные места, обеспечить самым необходимым. Тем временем опасность приближается к ее собственной семье. 23 июня 1942 года арестован и отправлен в лагерь Дранси отец, Раймон Берр. Будучи вице-президентом при генеральном директоре химических заводов Кульмана, то есть одним из руководителей той экономической отрасли, которая имела особо важное значение в военный период, благодаря поддержке руководства и внесенному за него крупному денежному залогу в последней декаде сентября он был все-таки освобожден. Правда, при обязательном условии — работать только дома, не имея каких-либо общественных контактов. Клетка открылась. Но цепь осталась. Берр — родителям и детям (у Элен были сестры Жаклин, Ивонна, Дениз и брат Жак) — ситуация представлялась ясной: настало время жить осторожно. Первое, что при этом было решено: не ночевать дома. Избегать появляться в своей квартире. Благо друзей хватало. Однако после длительных скитаний по разным адресам 7 марта 1944 года семья решает провести ночь дома. Решение оказалось роковым. На следующий день на рассвете за ними пришли. Вместе с отцом и матерью Антуанеттой (урожденной Родригес-Эли) Элен попадает сначала в Дранси, а затем оказывается в партии депортированных в Освенцим. Эта участь выпала на ее долю в день 23-летия, 27 марта.

По сохранившимся воспоминаниям, отец Элен, страдавший от инфекции ноги, оказавшись у врача-фелика антисемита, который его прооперировал (и, по имеющейся версии, следуя распоряжению начальства, отравил), Раймон Берр скончался в сентябре 1944 года. Мать Элен погибла раньше, еще в мае. В газовой камере. Элен пережила их больше, чем на год. В январе 1945, под закат Третьего Рейха, она еще находилась в Освенциме и вместе со многими другими узниками была отправлена пешком в другой концлагерь, Берген-Бельзен. Те, кому удалось выжить, говорили, что сей марш был страшнее, чем Освенцим. Представить себе подобное трудно.

Дойдя до Берген-Бельзена, Элен была совершенно лишена сил и, зараженная тифом, умерла в начале апреля 1945 года, за несколько дней до того, как там появились освободители — британцы.

Но вернемся к ее "Дневникам", которые в книжном издании составили более двухсот пятидесяти страниц. Что поражает в них прежде всего? Это, пожалуй, какая-то невероятная сила любви к жизни. К каждой мелочи: лучам солнца, просвечивающим сквозь листву деревьев и играющим на траве; к цветам и насекомым — к гармонии красок, звуков. Встречи с природой, в основном, связаны с местечком Обержанвилль, в четырех десятках километрах от Парижа, где часто проводила время семья Берр.

Не все, разумеется, в этих страницах пронизано ощущениями полноты жизни, разлитой в природе, в мире. Рядом — сомнения, тревоги: "Все мои друзья арестованы", "Есть многого, о чем говорить нельзя"... Поразительные строки, датированные 8, 9 июня 1942 года. В те

дни девушка должна была впервые нашить на свою одежду обязательную для евреев желтую звезду. Внутреннее сопротивление, стремление дать разную силу восторжествовать над чувствами, неожиданные реакции знакомых и посторонних на эту звезду, наконец, поездка в метро, где на станции "Эколь милитэр" контролер заставляет ее перейти в последний вагон, отведенный для таких, как она...

В строках, написанных утром 11 октября 1943 года, — тема отношения к католичеству, которое возмущает мать тем, что в такие времена оно проявляет инертность... Оказавшись перед вопросами, на которые в данном случае ей хочется найти ответ, Элен перечитывает главу о Великом Инквизиторе в "Братьях Карамазовых", и отмечает, что также читала Евангелие от Матфея, не найдя в словах Христа ничего иного, кроме правил совести, которым сама подчиняется по инстинкту... "Иногда я думаю, что я была ближе к Христу, чем многие католики, а тут (имея в виду текст из Нового Завета. — В. А.) у меня оказалась доказательство".

Между первой записью и последней, 15 февраля 1944 года, есть пробелы. Почему Элен в тот или иной момент не прикасалась к своим листам — неясно. Так или иначе, ее строки не предназначались для чужих глаз. Сама она, передавая написанное частями многолетней служанке семьи, человеку, которого знала с детства, Андрее Бардьо, на случай своего ареста, указала на одного адресата — своего жениха Жана Моравецкого. Элен хотела сохранить для него детали прожитых дней, чтобы он знал, как она была без него, что делала, о чем думала.

Между тем, несмотря на то, что записи, которые делала Элен, предназначались для Жана Моравецкого, они стали частью семейного архива Берр в виде нескольких машинописных копий, выполненных одним из служащих Кульмана. Что же касается оригинала, то в 2002 году, по решению наследников, он вместе с письмом, написанным Элен сестре Дениз в день ареста, 8 марта 1944 года, был передан Мариэттой Жоб Центру современной еврейской документации в Париже (Centre de Documentation Juive Contemporaine), а увидеть все это можно там же, в доме № 17 на улице Жоффруа Ласнея (rue Geoffroy L'Asnier) в постоянной экспозиции Мемориала Холокоста, в отделе, посвященном жизни евреев во Франции в годы гитлеровской оккупации.

Опубликованный "Дневник" Элен Берр в некоторых откликах на него оказался сопоставлен со знаменитым "Дневником" Анны Франк. Вне сомнения, общность между ними есть: по эпохе, по тому, что в обоих случаях писались они девушками, которым, согласно нацистской расовой доктрине, не должно было быть места на земле, и которые, в конце концов, погибли. Причем в одном и том же концлагере. Но, вероятно, еще большая общность между этими двумя "Дневниками" в том, что оба можно считать сигнальными лампочками человечеству, цивилизации: не забывайте — колыбель у антисемитизма и варварства общая: антигуманизм.

Париж

* Helene Berr, Journal. Preface de Patrick Modiano. Editions Tallandier. Paris, 2008.